

Искусство историки, или Сочинение о природе историки и истории, с рекомендациями, как писать историю, — общие размышления

Фоссий Г. Й.

Аннотация: Предлагаемый текст — продолжение перевода книги голландского богослова, историка и филолога Г. Й. Фоссия «Искусство историки», начатого в № 23–29 Vox. В главе 12 раскрывается значимость для достижения исторической достоверности различных способов рассказов, устных и письменных. Подробно освещается роль биографии и автобиографии для исторической оценки собственной личности.

Ключевые слова: историческое повествование, рассказ, биография, личность.

Глава двенадцатая

Приступим к тому, что же ухватывается в рассказе. Частично мы это рассматривали — это личность и всё, что с ней происходит. Тот, кто громко заявил о себе, — тому достаётся и всё происходящее, которое может стать письменной историей. Это очевидно для таких мужей, как Юлий Цезарь; хотя и здесь далеко не всему, что рассказывается, можно верить на слово. Сложность здесь в том, что в похвалах нужно знать меру, чтобы жажда почестей не была вменена впоследствии в вину. Также было бы разумно, чтобы тот, кто описывает твою жизнь, был из провинции. По крайней мере, вовсе не нужно утверждать могущество или заведомое благо. Можно, если пишешь о себе, вспоминать каких-либо друзей, не называя их имена. Также важно отличать здесь «я» от «мы», чем пренебрегают несведущие люди.

Правильно представить рассказ как всеобщий, применимый ко всему, на что каким-то образом обращают внимание. Некоторые из них перечислены в книге Плутарха о Гомере. Всё рассказанное отправляется от личности, причин, места действия, конкретных обстоятельств, способов действия, его результатов и конкретных проявлений; ничто иное не составляет нить историки рассказывания. В некоторых частностях люди предстают как варвары; поэты часто принижают их, историки стараются не определять их. Многое из того, что попало в поле зрения

историков, — суть легенды, связанные с конкретным местом. Так, Луп Серват¹, который описывает и толкует время Людовика Благочестивого, в предисловии к жизнеописанию св. Витберга² пишет: «Достаточно приписать любой благозвучной проповеди, звучащей на латыни, местные германские имена, и тогда они воспринимаются как песни, написанные германцами, но без точного обозначения места, где появилась эта новоявленная латинская поэзия; или рассматриваются произошедшие в них внутренние изменения, однако история в своём неведении склоняется к красочным подробностям».

Так же «верно» и Туан³ излагает современную историю, когда, рассказывая о бельгийских делах, упоминает не современных ему бельгийских учёных, пишущих о бельгийских событиях, но об искажающих эти события французах.

Действительно, для того чтобы отличать авторов, упоминаемых историком, друг от друга, нужно обращаться к их личности или к их действиям в определённом времени и месте, а также обращать внимание на то, что им предшествовало, и что приходит вновь, что превращается, и что продолжается далее, чтобы состояться.

Только от личности зависит, как идёт расследование, и что происходит такого, что можно изложить письменно. Вовсе не легко здесь что-то предлагать; не потому ли оспаривается положение, что новое лучше, чем уже свершившееся, хотя ныне нечто уже произошло. Первое упоминание о Клавдии Цезаре, о котором писали восемь раз в течение его жизни, мы находим у Транквилла в его жизнеописании («О Клавдии», гл. 41). Среди иных произведений, по большей части сумбурных, написанных безвкусно, мы находим лишь одно авторское упоминание, поэтому было бы неосмотрительно не воспользоваться списками Антония, которые отсутствуют в списках Клавдия (там же, гл. 3) и других ему подобных (?). В ином смысле, но столь же хвалебно говорится о Клавдии в книге Светония о Нероне. Также у Люция Суллы, Рутидия Руфа⁴ и Эмилия Скавра⁵. Таких же авторов Цицерон нашёл в Бруте, Тацит в Агриколе. Плутарх в том же Сулле — если не говорить о более ранних грамматических сочинениях. В этой

1 Луп Серват, или Луп Феррьерский (ок. 805–862) — средневековый просветитель, представитель Каролингского возрождения, богослов, бенедиктинец.

2 Св. Витберг, он же Гильберт из Жамблу (882–962) — святой католической церкви, основатель монастыря Жамблу — бенедиктинского аббатства в Бельгии, в городе Жамблу провинции Намюр.

3 Туан (Жак Огюст де Ту) — известный французский историк и государственный деятель (1553–1617).

4 Рутилий Руфа (Публий Рутилий Руф) (158 г. до н. э. — 78 г. до н. э.) — древнеримский военачальник и политический деятель.

5 Эмилий Скавр, или Марк Эмилий Скавр (163/162–90/88 до н. э.) — древнеримский политический деятель и военачальник.

связи особенно важны слова Тацита: «В целом предпочтительно идти путём воспоминаний, склоняющихся к чему-то определённом; особенно ценна при этом память о возобладавшей доблести, лишённой благословения свыше, даже самоуверенной, гордящейся своим великолепием. Если же рассказывать о всех жизнях, надеясь на улучшение нравов, которые опрометчиво ставятся во главу угла, то мы не увидим противостояния Рутилия и Скавра вопреки ожиданиям — там просто рассматривается доблесть в надлежащем времени, которому она более всего соответствует». Глашатаями такого подхода являются многие историки: Теренций Варрон, чьё собственное жизнеописание появилось раньше других; Юлий Цезарь, который лучше других рассказал про войну, происходившую в Галлии, представил её как гражданскую войну; Цезарь Август, при жизни которого происходила война в Кантабрии, описанная им в трёх книгах, автор собственного жизнеописания Транквилл (гл. 85), а также Суидас, названный Августом. О греках и шире — об ахейцах пишет предшественник вышеупомянутых авторов, Арат Сикионский⁶; таким образом, это возможное отношение зафиксировано, помимо Плутарха, у Арата и Агиди. У иных же авторов нет столь определённого подхода, поэтому нет смысла приводить противоположные суждения (разве что Иосифа⁷, описавшего свою жизнь). Например, Цицерон впервые высказал яркие хвалебные суждения о Цезаре, которые в дальнейшем многократно перевирались почтенными авторами; в них содержатся скорее замечания о его способе выражения мысли, чем о предмете веры. Возможно, позже мы получим более полную картину. Светоний в кн. 1, гл. 56 (говорит): «Поллион Азиний⁸, иногда походя, иногда последовательно пытается встать на путь истины (говоря о Цезаре); о нём трудно сказать, смотрит ли он на события со стороны, или просто пытается представить их достоверными, или советуется с кем-то, или исправляет ошибки, допущенные по недосмотру в указах». При этом важно, что все комментарии о Цезаре, будь то на греческом или латыни, собраны воедино и не могут быть отвергнуты, и при обнаружении любой неясности либо начинают трактовать что-то иначе, нежели ранее утверждалось, либо отсылают к прошлому, либо сваливают вину (за деяние) на кого-то другого. Вообще, разве не написано о роде Цезарей нечто достаточно ценное, скорее повествующее о его успехах и удаче? Поэтому было бы разумно подождать, пока не появятся новые сведения. А вот что сам Цезарь говорит у Саллюстия («О [заговоре]

⁶ Арат из Сикиона (271–213 гг. до н. э.) — государственный деятель эпохи эллинизма.

⁷ Речь идёт о библейском Иосифе.

⁸ Гай Азиний Поллион (родился не позднее 85 года до н. э. — умер в 4/5 году н.э.) — [римский](#) полководец и государственный деятель.

Катилины»): «Там, где простая душа видит истину, другие узревают любовь и ненависть, гнев и милосердие». Если появляется любовь, то вражда к ней порождает ненависть. Тогда возникают сложности при описании. При этом надо не впадать в ошибки и в то же время не уклоняться вообще от суждений. Отсутствие же непосредственного отклика не может быть преодолено простой верой — при всём почтении. Подход с почтительной робостью затрудняет себя хвалить, не допускает каких-либо возражений. Это дано у Туллия, который спрашивает Луция, как лучше обсуждать события в целом, прочерчивая их основную линию. Вот наиболее выразительное место: «Не нужно специально выведывать, что происходит, но внимательно следовать изложенному в тексте, последовательно осмысляя его и не отвергая ничего без веских на то оснований. Напиши мне об этом в целом и снабди ясными примерами. Но если тебе не удастся проследить, как происходит описание в общем, то нужно выяснить, как выглядят отдельные примеры на фоне общей картины. Внимательно рассмотреть то, чему меньше доверяют и следуют и что по большей части отвергается, — и произнести ещё раз, что провозглашается публично и почитается, (вспомнить) тех предводителей, чьи имена звучат духоподъёмно, и которые ранее выполняли почётную миссию, и (людей) нейтральных, которые присутствовали при этом, в общем и целом восхваляя их. Таковы наши пожелания к жизнеописаниям и обуславливающие их причины». Вот Цицерон, обращаясь к Луцию, цитирует высказывание Катилины из Аскония⁹, где замечается, что Цицерон облачился в белую тогу. Это упоминается и подчёркивается в следующем месте из послания 9 в кн. 1 у Плиния, обращённой к Помпею Сатурнию: «Всякая задержка в описании неправильна там, где излагается основной предмет. Этим мало что прославляется и возвышается — при большей выдержанности стиля. Тем более полезно осознать при обсуждении наследие предков. Сомнительно также выказывать прямую лесть при общей благорасположенности. Ибо отдельные хвалы ценны каждая сама по себе; зачем отягощать речь излишними различиями при общем почитании, и прославлять что-то отдельно. Именно поэтому непосредственные факты менее отклоняют от уже выясненного, нежели те, которые включаются «по умолчанию». И далее следующее: «Отправляйтесь от разума, как от основы, но постоянно имейте наготове похвалы». Уместно вспомнить, сколько великих душ осталось в памяти сознания, о которых в дальнейшем часто упоминали. Причём здесь должна быть слава как таковая, а не чьё-либо стремление к ней — и это не значит, что если бы первоначальная причина исчезла, то слава стала бы менее заслуженной и привлекательной.

⁹ Квинт Асконий Педиан (9 г. до н. э. — 76 г. н.э.) — римский [писатель и филолог](#).

Итак, тот, кто видит благоприятные (для себя) факты, не утверждает, что это имело место, но что это вероятно; кто восхищается речью как таковой, не имеет в качестве основания устойчивых идей. Всё же остальное, как бы велико оно ни было, не производит новых идей. Людям же, которые не хотят утратить совершённого ими, противопоказана постоянная проверка изложенного. Человеку, который не может изменить общее положение, не пристало хвастаться. Если о чём-то умалчиваешь, всё же нельзя скрыть то, что восхваляешь.

Итак, здесь предпосылается то, что в дальнейшем излагается по частям. Такова цена, которую мы платим за наибольшее представление разных суждений, чтобы писателю было удобно излагать свой предмет; было бы правильно, чтобы о доблестях сразу возвещалось, и они воспринимались. Если же судьба благоволит нам меньше, то комментарии общего порядка и совокупность отдельных примеров жизнеописания мужей не так уж нужны, как это и делалось издавна. Именно это можно увидеть в книгах Плутарха, в которых прославляется недоброжелательность. И вот как выглядит эпилог к ним: «Отделять высказанное от нас самих и делать его незначимым как для нас, так и для окружающих, означает, что оно может быть использовано в споре». Отсюда видно, что предполагаются два времени — говорения и письменного изложения. Однако самыми истинными, доскональными и весомыми представляются те книги, которые наиболее нелицеприятны.

И причина здесь вовсе не в том, что нечто, изложенное письменно самолично или под псевдонимом, выглядит хуже. Возьмём, например, жизнеописание императора Адриана. Вот что Спартиан¹⁰ изложил о его жизни: «Чудесная молва о жизни Адриана прямо предназначена для того, чтобы найти воплощение в книге, написанной в свободном литературном стиле и под собственным именем», — так сказал о нём Флегонт¹¹.

Недалеко отходит от этого Иоанн Кантакузин, бывший византийский император, написавший о себе под псевдонимом Андроника Юлия: чтобы скрыть настоящего автора (предположительно это Христул), это имя вполне подходит тому, кто служит Господу.

Поэтому правильнее было бы просто напомнить об этом периоде, если наши похвалы у кого-то возбудили зависть, и тогда им на смену приходило бы другое видение этой действительности.

10 Один из так называемых «Писателей Истории Августов» (*Scriptores Historiae Augustae*).

11 Флегонт из Тралл, также Флегон из Тралл, Флегон(т) Тралльский, Публий Элий Флегон — древнегреческий историк и парадоксограф II века.

Нужно в первую очередь умерить звучание тех мест, которые мы ранее особенно выделяли, и посмотреть на них заново, со стороны. Ксенофонт справедливо описывает в шести книгах походы Кира и прослеживает их. В первой книге отмечена решающая роль афинян; и Ксенофонт неоднократно подчёркивает это. В шестом томе того же издания в комментариях упомянут Цезарь. Приведём здесь также то, что говорит св. Августин о нравах историков в гл. 17 «Против Фавста Манихея»¹²: «Чем элегантнее он составляет рассказ, безусловно, полезный для него, тем менее веришь Евангелию от Матфея, который само избрание начинает со слов «увидьте меня и расскажите обо мне, распните меня» — так говорится в Евангелии от Матфея, которое считается сомнительным и даже более того — ошибочным. Но это не означает, что нельзя что-то представить правильно, и нет никаких законов, и нет ничего закономерного, и не надо внимать тому, что обычно рассказывается; обычно пишется о том, что происходит, а также тому, что рассказывают об этой личности те или другие. Это то, что относится к личности».

Ars historica sive de historiae et historices natura historiaeque scribende praeceptis commentatio

Vossii G. J.

Abstract: Here the significance of various ways of telling stories, oral and written, for achieving historical authenticity is revealed. The role of biography and autobiography for the historical assessment of one's own personality is covered in detail.

Keyword: historical narrative, story, biography, personality.

Перевод с латинского Лаврентьева Всеволода Серафимовича: lavrsv4@gmail.com

12 См. «О книге Бытия, против манихеев» — <https://www.pravmir.ru/o-knige-byitiya-protiv-maniheev/>.